

Introducing Human Rights: A Course for Secondary Schools

Name of organisation:

Youth Center of Human Rights and Legal Culture

А. Луховицкая

РАЗДЕЛ VI

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Глава 1. Определение понятий

(Обсудите в микрогруппах)

Многие родители обращаются к психологам с одной и той же жалобой: мой ребенок стал замкнутым, он не хочет рассказывать о школьной жизни, друзьях, на все вопросы отвечает однозначно... Обычно это начинается, когда мальчику или девочке исполняется 13–14 лет. Озабоченность взрослых нетрудно понять, ведь те же психологи, педагоги, медики утверждают: отчуждение подростка может свидетельствовать о том, что он стал жертвой плохой компании и, следовательно, ему нужна срочная помощь. Разумеется, все самые страшные подозрения надо проверить. Деликатно, не подавая виду, но при этом без лишней щепетильности. Допустимо все: изучайте содержимое сумок, портфелей и карманов ваших чад, их блокноты, записные книжки, ящики письменного стола. Контролируйте встречи, телефонные переговоры – в конце концов, речь идет о здоровье и безопасности вашего сына или дочери, а потому уместны любые разумные действия.

Статья из газеты «За калужской заставой»

В. Леви

Нестандартный ребенок

(Обсудите в микрогруппах)

Мы оберегаем свой суверенитет и от самых близких и дорогих нам людей (тем более, что «самый близкий» далеко не всегда означает «самый тактичный»). Дадим это право и ребенку.

Замкнутость: кроме правды, единственный способ не лгать. <...>

Нет прощения взрослому, лезущему без спросу в детский дневник, вскрывающему письма, перехватывающему записку. Страшнее, чем избить, искалечить. **Преступно – не уважать тайну ребенка** (Выделено автором).

- Как вы думаете, есть ли ситуации, когда приходится согласиться с мнением автора газетной статьи? Может быть, В. Леви просто не имел в виду таких «крайних ситуаций», как, например, подозрения в наркомании.

Б. и Л. Никитины

Мы, наши дети и внуки

Никитины сейчас известны как авторы особой системы воспитания детей. В 60-х гг. (в 1959 г. родился их первый ребенок), они стали пускать и приглашать к себе в дом людей, интересующихся этой системой. Люди шли к ним посмотреть на детей, на то, как устроена повседневная жизнь детей, их комнаты и т.д. И вот что пишет об этом спустя много лет мама.

Я понимаю семью как мир интимный, закрытый от посторонних взглядов – это очень личное окружение человека, вторгаться в него безнаказанно нельзя. Англичане не зря говорят: «Мой дом – моя крепость», потому что здесь, в семье, пожалуй, единственное место, где человек может быть сам собой, без всяких масок и мундиров. И когда толпа людей идет через дом ежедневно, еженощно и всю жизнь – конечно, на разнос все идет. Борис Павлович в этом отношении абсолютно спокоен. Для него выглядит так: ну как же, люди идут, им надо помочь... Сколько мы ни толковали, сколько ни спорили, сколько я ни рыдала, ни отчаивалась – даже ультиматум выдвигала – все равно так и не объяснила ему очевидные для меня вещи. Потом это дошло и до детей – начали бунтовать и они. Вообще-то ребята у нас доброжелательные, и людей встречали хорошо, но однажды меня пря-

мо затрясло, когда я услышала – это было лет 15 назад: «Ой, опять идут эти типы...» Я пришла в ужас, обмерла буквально. Мы-то и людей еще не знаем, какие они, а уже – «типы». Я же знала, что люди к нам идут в основном хорошие – то-то и обидно. Значит, независимо от того, кто идет, уже какое-то человеконенавистничество начинается – от усталости, от этого постоянного калейдоскопа лиц... Меня саму это доводит до невозможного состояния, моя психика, наверное, не выдерживает больше ста знакомых, и, когда я вижу знакомое лицо и не помню, кто это, для меня это «облом», как говорит Юля, а у меня этих «обломов» каждый день...

Постепенно я все-таки смирилась и, наверное слегка отупела. А когда услышала: «типы», кажется, я даже провалялась три дня в постели. Тогда и начались наши баталии. Потом появилось это ужасное объявление на березе «Приходите в последнее воскресенье».

...Тогда и начались эти баталии.

Ф.М. Достоевский

Преступление и наказание

(Обсудите в микрогруппах)

Бедный чиновник Мармеладов попал под коляску и раздавлен лошадьми. Его приносят домой к родным – жене и детям (семья живет в крайней нужде, снимая комнату в доходном доме). Мармеладов лежит при смерти.

Меж тем комната наполнилась так, что яблоку упасть было негде. Полицейские ушли, кроме одного, который оставался на время и старался выгнать публику, набравшуюся с лестницы, опять обратно на лестницу. Зато из внутренних комнат высыпали чуть не все жильцы госпожи Липпехель и сначала было теснились только в дверях, но потом гурьбой хлынули в самую комнату. Катерина Ивановна пришла в исступление.

– Хоть бы умереть-то дали спокойно! – закричала она на всю толпу, – что за спектакль нашли! С папиросами! Кхе-кхе-кхе! В шляпах войдите еще!.. И то в шляпе один... Вон! К мертвому телу хоть уважение имейте!

Кашель задушил ее, но остратка пригодилась. Катерины Ивановны, очевидно, даже побаивались; жильцы, один за другим, протеснились обратно к двери с тем странным внутренним ощущением довольства, которое всегда замечается даже в самых близких людях, при внезапном несчастье с их ближним, и от которого не избавлен ни один человек, без исключения, несмотря даже на самое искреннее чувство сожаления и участия.

За дверью слышались, впрочем, голоса про больницу и что здесь не след беспокоить напрасно.

- В двух последних текстах речь идет уже не о личной жизни, а о семейной. Можете ли вы точно назвать, что в вашей семейной жизни должно быть недоступно для не членов семьи? Так ли это в действительности?
- Как вы думаете, что заставляет окружающих проявлять любопытство к чужому быту, к проблемам внутри чужих семей?

Дж. Милль

О свободе

[О пределах власти общества над индивидуумом]

(Прочитайте и обсудите со взрослыми)

Где тот предел, до которого должно простираться самодержавие индивидуума? Где должна начинаться власть общества? Какая часть индивидуальной жизни должна со-

ставлять полное достоинство индивидуальности и какая должна подлежать ведению общества?

Индивидуум и общество не переступят должных пределов, если будут простирают свою власть только на то, что их ближе касается. Та часть человеческой жизни, которая касается главным образом индивидуума, должна составлять достоинство индивидуальности, а та, которая касается главным образом общества, должна подлежать ведению общества.

Каждый, самый даже обыкновенный человек, как мужчина, так и женщина, имеет несравненно более сильные средства, чем кто-либо, к познанию того, что для него есть благо. Вмешательство общества в те суждения и стремления индивидуума, которые касаются его лично, необходимо должно основываться на каких-нибудь общих предположениях; но предположения эти могут быть совершенно ошибочны, а если не ошибочны, то они легко могут быть применены совершенно не кстати в таких случаях, к которым совершенно непригодны, так как самое применение должно производиться людьми, знающими обстоятельства данного случая только поверхностно, снаружи. Эта часть человеческой жизни есть сфера индивидуальности. В отношениях своих к другим людям необходимо, чтобы индивидуум соблюдал в большей части случаев известные общие правила, дабы каждый знал, чего может ожидать от других; но в том, что касается его самого лично, индивидуум должен быть вполне самодержавен. Можно представлять ему разные соображения и доводы, для того чтобы направить так или иначе его суждение, можно увещевать его, чтобы дать то или другое направление его воле, все что можно делать, если даже он этого и не желал, но он во всяком случае есть высший судья того, что и как ему делать, и если он поступит вопреки всем советам и предостережениям и через это сделает сам себе вред, то этот вред далеко не может быть так велик, как велико было бы то зло, если он насильно принужден был поступить так, как другие признают для него благом.

- Найдите в тексте, что именно Джон Милль включает в сферу частной жизни.
- Как вы понимаете значение слов «индивидуализм», «индивидуальность», «эгоизм»? Используя текст Милля и словари, объясните разницу между ними.

Ходжа, сын его и осел в пути

Ехал Ходжа со своим сыном куда-то в деревню. Сына посадил на осла, а сам шел пешком. Увидели это встречные и говорят: «Ну и молодежь! Отца своего, старика, известного ученостью, он заставляет идти пешком, а сам уселся на осла и едет». Тогда сын сказал Ходже: «Послушай, отец, ведь я говорил тебе! Ну не упрямясь, садись на осла». Ходжа сел на осла.

Немного проехали они. Опять попались им люди и говорят: «А-ах! Ведь ты здоровый, а забрался на осла и едешь. А вот разве хорошо подвергать мучениям маленького мальчика, худенького как щепка?» Ходжа взял и посадил сына вместе с собой на осла.

Только проехали они несколько шагов, навстречу им идет толпа зевак. Взглянули они на Ходжу с сыном и воскликнули: «Вот безжалостные люди! Разве можно садиться на маленького осла двум людям и ехать так далеко? Гляньте, гляньте, это, должно быть, Ходжа?» Ходжа рассердился, слез сам с осла, спустил и сына и погнал осла перед собой.

Вскоре повстречалось им еще несколько людей. «Вот дурни-то, – сказали они, – осел пустой, бежит налегке впереди, а они по жаре тащатся пешком. Бывают же на свете такие дурни?» Когда Ходжа услышал это, он воскликнул: «Ну и ну, сомневаюсь я, чтобы кто-нибудь мог избежать злословия!»

Для творческих работ или дискуссий

Свободным является мир, в котором, когда тебе хорошо, никто тебе не мешает, а когда тебе худо – никто не вмешивается.

М. Равкин

Государство не должно знать о своих гражданах больше, чем это требуется для того, чтобы обеспечить им высшую степень свободы.

В. Швებель

Чем больше личность, тем больше сфера личного.

В. Швებель

Не всякая роза чувствует себя польщенной, когда каждый нос считает своим долгом ее понюхать.

В. Швებель

**Международные нормы о правах человека
и применение их судами Российской Федерации**

Европейская комиссия по правам человека (ст. 8 Европейской конвенции по правам человека) дает следующее определение права на уважение личной жизни: «Право на уважение “личной жизни” является правом на личную жизнь, правом на то, чтобы жить в соответствии со своими желаниями, будучи защищенным от придания этой жизни гласности...»

Требование уважения личной жизни автоматически ограничивается в той степени, в какой отдельное лицо ставит свою личную жизнь во взаимоотношения с общественной жизнью или в тесную связь с иными защищаемыми интересами»

М. Дженис, Р. Кэй, Э. Брэдли

**Европейское право в области прав человека
(Прочитайте и обсудите со взрослыми)**

Европейский суд по правам человека не считает возможным или необходимым пытаться дать исчерпывающее определение понятия «личная жизнь». Однако было бы неверно ограничивать данное понятие лишь «внутренним кругом», в котором человек может жить личной жизнью по своему выбору и совершенно не допускать туда внешний мир, не входящий в этот круг. В известной мере уважение личной жизни должно включать в себя и право устанавливать и развивать отношения с другими людьми. Кроме того, по-видимому, нет принципиальных оснований полагать, что такое представление о понятии «личная жизнь» исключает деятельность профессионального или делового характера, поскольку, в конце концов, именно в ходе своей трудовой жизни большинство людей имеет значительную, если не самую большую возможность развивать отношения с внешним миром. Это мнение подкрепляется тем, что, как правильно отметила Комиссия, не всегда можно четко различить, какая деятельность человека является частью его профессиональной или деловой жизни, а какая – нет. Так, в частности, в случае с лицами свободных профессий работа в данном контексте составляет неотъемлемую часть их жизни –

вплоть до того, что невозможно определить, в каком качестве действует лицо в тот или иной момент времени.

- Что бы вы включили в сферу личной жизни?

Дж. Милль

О свободе

(Прочитайте и обсудите со взрослыми)

Я утверждаю, что все те поступки и все те качества индивидуума, которые касаются только его личного блага и не касаются блага других, – что все эти поступки и качества не могут служить основанием для других людей к каким-либо иным неблагоприятным к нему отношениям, кроме тех, которые, так сказать, естественно истекают из их дурного о нем мнения. Совершенно другое должны мы сказать о тех поступках индивидуума, которые вредны другим людям. Когда индивидуум посягает на права других людей, наносит им вред или ущерб, не имея на то никакого права; обманывает их, действует двулично; нечестно или невеликодушно пользуется своими преимуществами перед другими людьми; имея возможность устранить какое-нибудь зло, не делает этого из эгоизма – все это такие поступки, которые заслуживают нравственного осуждения, а в важных случаях даже и нравственного возмездия и наказания. И не только сами эти поступки, но и склонности, которые располагают к совершению их, собственно говоря, безнравственны, заслуживают осуждения и могут даже внушать омерзение к индивидууму.

- Как вы думаете, всегда ли возможно точно разделить «поступки, которые касаются только личного блага» человека, и поступки, которые «вредны другим людям»?

Для творческих работ или дискуссий

Каждый свободен решать для себя, требуется ли ему совет.

Латинское изречение

Ничто нам так не хочется изменить, как привычки других людей.

М. Твен

Мы часто клеймим чужие недостатки, но редко, пользуясь их примером, исправляем свои.

Ф. Ларошфуко

Мы даем советы ведрами, а принимаем их каплями.

У. Олджер

Совет подобен касторке: его довольно легко давать, но чертовски неприятно принимать.

Б. Шоу

Совет, данный кому-нибудь в присутствии других людей, воспринимается как упрек.

Кабус

Существуют пределы, за которые вмешательство общественного мнения в личную независимость не должно преступать. И устанавливать эти пределы и защищать

их от всякого посягательства столь же необходимо для поддержания общественного благополучия, как необходима охрана общества от политического деспотизма.

Дж. Милль

- Что, по-вашему, можно считать нарушением «пределов личной независимости»? Приведите примеры.

Глава 2. Регламентирование государством частной жизни граждан

Т. Мор

Утопия

В своем самом известном произведении – романе «Утопия» – английский гуманист Томас Мор рисует идеальное, по его представлениям, государство, где отменена частная собственность, уничтожена всякая эксплуатация, труд обязателен для всех, а распределение продуктов ведется по потребностям.

Во избежание чрезмерного малолюдства городов или их излишнего роста принимается такая мера предосторожности: каждое семейство, число которых во всяком городе, помимо его округа, состоит из шести тысяч, не должно заключать в себе меньше десяти и более шестнадцати взрослых. Что касается детей, то число их не подвергается никакому учету. Эти размеры легко соблюдаются путем перечисления в менее людные семейства тех, кто является излишним в очень больших.

- В ряде стран (Индия, Китай) государство пытается регулировать рождаемость с помощью и экономических факторов, и прямых запретов. Как вы считаете, является ли это вмешательством в личную жизнь? Оправдано ли оно?
- Что означают сейчас слова «утопия», «утопический»?

Э. Кабэ

Путешествие в Икарию

(Для домашнего чтения)

Перед вами отрывок из еще одной утопии. Она написана в середине XIX в. французским философом и политиком Этьеном Кабэ.

Рассказчик-путешественник беседует с жителем города.

Заметили ли вы также, как регулярен распорядок для движения нашего населения по улицам города? В пять часов все встают; к шести часам все наши общественные средства передвижения и все улицы переполнены мужчинами, которые направляются в свои мастерские. В девять часов вы видите женщин и детей. От девяти до часа пополудни все население находится в мастерских или школах. В половине второго вся масса рабочих оставляет мастерские и соединяется со своими семьями и соседями в народных ресторанах. От двух до трех все обедают. От трех до девяти все население наполняет сады, террасы, улицы, места для гуляния, народные собрания, курсы, театры и все другие общественные места. В десять часов все ложатся спать, и в течение ночи, от десяти до пяти, улицы совершенно пусты.

– У вас, стало быть, также есть закон о тушении огней, закон, который казался таким тираническим?

– Предписанный тираном, он действительно был невыносимым притеснением, но принятый всем народом, в интересах его здоровья и хорошего порядка в работе, – это

наиболее разумный, наиболее полезный и наиболее тщательно исполняемый закон.

– Да, я понимаю это, и понимаю также, как должны быть счастливы ваши рабочие.

Пища

Все, что касается этой первой потребности человека, как и других его потребностей, в нашей несчастной стране (*Франции*. – Прим. сост.) предоставлено случаю и сопряжено с чудовищными злоупотреблениями. Здесь, напротив, все это весьма разумно и тщательно регулируется.

Представь себе сперва, мой дорогой брат, что нет решительно ничего во всем, касающемся пищи, что не было бы регулировано законом. Именно он позволяет любой вид пищи.

Комитет ученых, учрежденный Национальным представительством, составил при содействии граждан список всех известных предметов питания, указав хорошие или плохие качества их.

Он сделал больше. Среди хороших предметов питания он указал необходимые полезные и приятные и напечатал список их в нескольких томах. Каждая семья имеет один экземпляр.

Сделано было еще больше: указаны были лучшие способы приготовления каждого предмета питания, и все семьи имеют такой экземпляр поваренной книги.

Установив таким образом список хороших предметов питания, республика организовала при помощи своих земледельцев и рабочих их производство и распределяет их между семьями. А так как никто не может иметь других средств питания, кроме тех, которые распределяет республика, то ты поймешь, что никто не может потреблять других предметов питания, кроме тех, которые она одобряет.

Но это не все. Комитет, о котором я только что говорил, обсудил и указал, сколько раз в день следует принимать пищу, в какие часы, число блюд, какие именно и порядок следования, беспрестанно изменяя их не только соответственно сезону и месяцам, но и соответственно дням; таким образом, обеды в течение недели совершенно различны.

В шесть часов утра, до начала работ, все рабочие, т.е. все граждане, совместно подкрепляются в своих мастерских очень простым первым завтраком (который наши парижские рабочие называли «капля» или «утренний глоток»), изготовленным и сервированным ресторатором мастерской.

В девять часов они завтракают в мастерской, тогда как жены и дети их завтракают дома.

В два часа все жители данной улицы вместе обедают в республиканском ресторане, где пищу готовит один из рестораторов республики.

А вечером, между девятью и десятью часами, каждая семья у себя дома ужинает или ест легкую закуску, приготовленную женщинами.

При всяком обеде первый тост провозглашается во славу доброго Икара, благодетеля рабочих, благодетеля семей, благодетеля граждан.

Все, что я сказал тебе о пище, мой дорогой Камилл, относится также к одежде. Все регулирует закон по указанию комитета, который, выслушав разные мнения и ознакомившись с формой одежды разных стран, составил список всех форм и цветов (великолепное издание, которое имеется у каждой семьи) одежды, указал, какие из этих форм и цветов принимаются и какие отвергаются, и классифицировал их соответственно необходимости, полезности и приятности.

- Хотели ли бы вы жить в такой стране? Почему?

Совесть против насилия
(*Прочитайте и обсудите со взрослыми*)

Вспомните, о каких событиях идет речь в романе С. Цвейга

В тоталитарном представлении Кальвина о государстве земная жизнь и мировоззрение полностью сливаются, и тогда даже самое сокровенное проявление жизни автоматически попадает под контроль власти; ищейкам из консистории¹, настоятельно предписывается «следить за жизнью каждого». Ничто не должно ускользнуть от их внимания, и «контролировать следует» не только «произнесенное слово, но также мнения и взгляды».

Само собой разумеется, с того дня, когда в Женеве вводится такой всеобщий контроль, больше не существует частной жизни. Кальвин одним махом обогнал католическую инквизицию, которая все же сначала рассылала своих шпионов и соглядатаев для получения сообщений или доносов. Но, согласно мировоззренческой системе Кальвина, каждый человек постоянно склонен к злу, и поэтому в Женеве каждого заранее подозревают в грехах, и он должен мириться с надзором. Со времени возвращения Кальвина во всех домах разом открылись двери, а стены вдруг стали прозрачными. В любой момент, днем и ночью в ворота могут резко постучать, и появится член религиозной полиции для «досмотра», причем горожанин не может ему помешать. Самый богатый и самый бедный, самый значительный и самый мелкий должны по меньшей мере раз в месяц давать подробный отчет этим профессиональным шпионам от морали. В ордонансах² говорится: «Следует располагать достаточным временем, чтобы не спеша вести расследование», – и вот убеленные сединами почтенные, испытанные мужи, как ученики в школе, должны позволять часами проверять себя: хорошо ли они знают наизусть молитвы или почему они пропустили хоть одну проповедь Кальвина. Но и после такого экзамена по катехизису и рассуждений о морали проверка отнюдь не закончена. Потому что эта полиция нравов вмешивается во все. Она ощупывает женские платья: не слишком ли они длинные или короткие, нет ли на них лишних оборков или рискованных вырезов; она осматривает прическу: не чересчур ли замысловато она сооружена, и пересчитывает кольца на пальцах и туфли в шкафу. Из комнат вдут к кухонному столу – не варится ли супчик или кусок мяса сверх единственного дозволенного блюда, не спрятаны ли где-нибудь сладости или варенье. А благочестивый полицейский идет по дому все дальше. Он залезает в книжный шкаф: нет ли там какой-нибудь книги без штампа августейшей цензурной консистории, он роется в ящиках: не спрятаны ли там икона или четки. Он выспрашивает слуг о господах, детей – об их родителях. Одновременно он прислушивается к уличному шуму: не поет ли кто-нибудь светскую песню, не играет ли на музыкальном инструменте, или, может быть, предается дьявольскому пороку веселья. Ибо теперь в Женеве постоянно преследуется любая форма развлечений, любой «*raillardise*»³, и горе тому гражданину, который попадется на том, что зашел однажды после работы в таверну выпить глоток вина либо развлечься игрой в кости или карты!

Однако наибольшую опасность представляли не эти варварские кровавые приговоры, с помощью которых Кальвин подавил чувство свободы у жителей Женевы; по-настоящему изнуряющее действие оказывали систематические мучения и ежедневные запугивания. Возможно, на первый взгляд покажется смехотворным, в какие мелочи вмешивается «*discipline*» Кальвина. Но не следует недооценивать изощренности этого метода. Кальвин намеренно соткал сеть запретов с такими плотными мелкими ячейками, что проскользнуть и остаться на свободе, по сути дела, невозможно: он намеренно нагромож-

¹ Консистория – церковно-административный орган.

² Ордонанс – правительственный акт.

³ Разврат (фр.)

дает запреты именно в самых незаметных мелочах, чтобы каждый постоянно чувствовал себя виновным и возникало непрерывное состояние страха перед всемогущим, всезнающим авторитетом. Ибо чем больше ловушек ставят справа и слева на повседневном пути человека, тем труднее ему ступить свободно и прямо, и вскоре в Женеве становится невозможно чувствовать себя уверенно, так как консистория объявляет грехом любой беззаботный вздох. Нужно лишь полистать список протоколов совета, чтобы понять изощренность метода запугивания. Один горожанин улыбнулся во время обряда крещения: три дня тюрьмы. Другой, утомленный летней жарой, заснул во время проповеди: тюрьма. Рабочие ели на завтрак паштет: три дня на воде и хлебе. Два горожанина играли в кегли: тюрьма. Два других поспорили на четверть вина: тюрьма. Один человек отказался крестить своего сына именем Авраам: тюрьма. Слепой скрипач играл музыку для танцев: изгнан из города. Другой горожанин хвалил перевод Библии, выполненный Кастеллио: изгнан из города. Девушку уличили в катании на коньках, женщина бросилась на могилу своего мужа, горожанин во время богослужения предложил своему соседу щепотку табаку: вызов в консисторию, строгое предупреждение и покаяние. И так далее и тому подобное, без конца и края. Какие-то весельчаки в день богоявления запекли боб в пирог: на двадцать четыре часа посажены на хлеб и воду. Один горожанин сказал «мсье» Кальвин вместо «метр» Кальвин, двое крестьян, как издавна принято, заговорили о делах: тюрьма, тюрьма, тюрьма! Человек играл в карты: поставлен к позорному столбу с картами вокруг шеи. Другой задорно пел на улице: указано, что «петь на улице» означает быть высланным из города.

- Согласны ли вы с авторской оценкой описанных событий? В самом деле, почему бы государству не бороться с развратом, пьянством, азартными играми?

Для творческих работ или дискуссий

Где доносчики награждаются, там не будет недостатка в виноватых.

К. Мальзерб

А. и Б. Стругацкие

Жук в муравейнике (Для домашнего чтения)

Действие романа происходит в XXII в. В космосе обнаружен «саркофаг», созданный Странниками – таинственной внеземной цивилизацией. Может быть, эта находка принесет людям величайшее благо, а может, человечество погибнет, если начнет смело исследовать подарок. Выясняется, что «саркофаг» – это своеобразный инкубатор, и Комиссии по контактам (КОМКОНу-2) предстоит решить судьбу тринадцати «подкидышей».

«Как руководитель КОМКОНа-2, организации, ответственной за безопасность земной цивилизации в целом, я предлагаю вам ряд требований, которые нам надлежит неукоснительно выполнять в нашей деятельности впредь.

Первое. Все работы, хотя бы мало-мальски связанные с этой историей, должны быть объявлены закрытыми. Сведения о них не подлежат разглашению ни при каких обстоятельствах. Основание: всем хорошо известный Закон о тайне личности.

Второе. Ни один из «подкидышей» не должен быть посвящен в обстоятельства своего появления на свет. Основание: тот же Закон.

Третье. «Подкидыши» немедленно по появлении на свет должны быть разделены, а в дальнейшем надлежит принять меры к тому, чтобы они не только ничего не зна-

ли друг о друге, но и не встречались бы друг с другом. Основание: достаточно элементарные соображения, которые я не намерен здесь приводить.

Четвертое. Все они должны получить в дальнейшем неземные специальности, с тем чтобы сами обстоятельства их жизни и работы естественным образом затрудняли бы им возвращение на Землю даже на короткие сроки. Основание: та же элементарная логика. Мы вынуждены пока идти на поводу у Странников, но должны делать все возможное, чтобы в дальнейшем (и чем скорее, тем лучше) с проторенной для нас дороги свернуть».

Как и следовало ожидать, «Четыре требования Сикорски» вызвали взрыв недоброжелательства. Участники совещания, как и все нормальные люди, терпеть не могли каких бы то ни было тайн, закрытых тем, умалчиваний, да и вообще КОМКОНа-2. Но Сикорски правильно предвидел, что психологи и социологи, отдавши дань понятным эмоциям, возьмутся за ум и решительно встанут на его сторону. С Законом о тайне личности шутки плохи. Можно было легко и без всяких натяжек представить себе целый ряд неприятнейших ситуаций, которые могли бы возникнуть в будущем при нарушении первых двух «Требований». Попробуйте-ка представить себе психику человека, который узнает о себе, что появился он на свет из инкубатора, запущенного сорок пять тысяч лет тому назад неведомыми чудовищами с неведомой целью, да еще при этом знает, что и всем вокруг это известно. А если у него хоть мало-мальски развито воображение, он с неизбежностью придет к представлению о том, что он, землянин до мозга костей, никогда ничего не знавший и не любивший кроме Земли, несет в себе, может быть, какую-то страшную угрозу для человечества. Представление это способно нанести человеку психическую травму, с которой не справятся и самые лучшие специалисты...

Доводы психологов были подкреплены внезапным и необычно резким выступлением Махиро Синоды, который прямо заявил, что мы здесь слишком много думаем о тринадцати еще не родившихся сопляках и слишком мало думаем о потенциальной опасности, которую они могут представлять для древней Земли. В результате все «Четыре требования» были приняты большинством голосов.

- У Стругацких больше ничего не сказано про Закон о тайне личности. Как вы думаете, о чем этот закон? Для чего он был принят? Есть ли в нашей стране нечто подобное?
- Что за «элементарные соображения» можно привести в поддержку этих предложений?
- Как вы полагаете, в чем состояло здесь вмешательство в личную жизнь «подкидышей»? Оправдано ли это вмешательство?
- Знаете ли вы какие-нибудь учреждения в нашей стране, в которых может храниться информация о вас? Для чего это, по вашему мнению, может понадобиться? Кто должен иметь право доступа к такой информации?

Всеобщая декларация прав человека

Статья 12

Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Глава 3. Нарушение тайны переписки

Ревизор

Городничий. Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает в вашу почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то что из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение! Иное письмо с наслаждением прочтешь: так описываются разные пассажи... а назидательность какая... Лучше чем в «Московских ведомостях»!

- Найдите в словаре иностранных слов значение слова «перлюстрация». Почему любое государство во все времена стремилось контролировать переписку граждан?
- Отличаются ли действия почтмейстера от тех, о которых просит его городничий?

А.С. Пушкин

Из письма к жене (20 и 22 апреля 1834 г.)

К наследнику (*Великий князь Александр Николаевич, будущий царь Александр II. – Здесь и далее прим. сост.*) являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей; первый (*Павел I*) велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй (*Александр I*) меня не жаловал; третий (*Николай I*) хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перешеголяет, а плетью обуха не перешибет.

Е. Гинзбург

Крутой маршрут

«Хронику времен культа личности» Е. Гинзбург, восемнадцать лет проведшая в тюрьмах и лагерях, писала как «письмо к внуку». В главе, отрывок из которой вы прочитаете, действие происходит в 1937 г. в тюремном («стольпинском») вагоне; осужденные по 58-й статье женщины вспоминают своих детей.

...Есть счастливые. Они получали в Ярославке письма. Они знают, что их дети живы, у стариков. Есть самые несчастные – такие, как Зоя Мазнина. Она уже третий год ничего не знает о детях. Некому написать. Муж и брат арестованы. Стариков нет. А чужие разве напишут? Опасно... Да по правилам Ярославки и не передали бы письмо от чужих. Переписываться можно было только с кем-нибудь одним из близких родственников, и то по нищенской норме.

Я почти счастливица, если я узнаю из маминых писем, что один мой сын в Ленинграде, другой – в Казани. У родственников. Может быть, не обидят. Мама переписала строчки из Алешиного письма: «Дорогая бабушка! Со мной на парте сидит мальчик, у которого мама сидит в том же ящике, что и моя» (адрес Ярославки: почтовый ящик №...).

Я крепко сж

имаю пальцы, стараясь не поддаться припадку материнского горя. А припадок уже назревает, уже сгущается над седьмым вагоном. Я помню, как это бывало в Бутырках. Только начни – пойдет...

Вспышка массового отчаяния. Коллективные рыдания с выкриками: «Сыночек! Доченька моя!» А после таких приступов – назойливая мечта о смерти. Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас.

Нет, нельзя давать себе волю. Ведь я в тысячу раз счастливее Зои. Я знаю, где мои дети. И счастливее Милды Круминь, которая получила в Ярославке письмо от своего Яна. Одно письмо за два года. Из специального детдома, где жили дети заключенных. Ян писал: «Милая мама! Я живу хорошо. На 1 Мая у нас был концерт самодеятельности». А внизу торопливыми каракулями было приписано: «Мамочка! Я забыл латышские буквы, напиши мне их, и тогда я напишу тебе по-латышски, как мне здесь плохо без тебя».

- Как вы думаете, почему Ян не хотел писать маме по-русски о том, как ему живется в детдоме?
- Оправдано ли, по вашему мнению, лишение заключенных права на переписку? А ограничение этого права определенным кругом адресатов? количеством писем? их тематикой?
- В ярославской тюрьме все определялось некими «правилами». Если предположить, что тюремная администрация должна иметь право просматривать всю корреспонденцию заключенных, то где, по-вашему, должен быть прописан порядок этого просмотра?

Ю. Телегин

Клуб друзей Евы

(Для домашнего чтения)

Ева Сарбова – девушка из Чехословакии. В юности она училась музыке, была пианисткой, закончила Карлов университет по курсу чешского языка и литературы. Однако тяжелое заболевание вынудило ее оставить музыкальные занятия. Отныне Ева недвижно лежала в постели. Для любого человека потерять способность двигаться – величайшая трагедия, а для пианистки... К счастью, она владела кроме родного еще английским, французским, немецким и русским языками. Она стала писать в разные страны, рассказывая о себе и о Чехословакии. О ней сообщил в большой статье журнал «Юность мира», после чего ей стали писать молодые люди из многих стран.

Одним из ее корреспондентов был мой двоюродный брат Михаил. Его это настолько увлекло, что он решил и меня познакомить с Евой, повинувшись естественному человеческому желанию делиться хорошим. Михаил прислал мне несколько ее писем...

Вскоре я познакомился с молодым гродненским поэтом Владиленом Задорным. Он тоже был корреспондентом Евы, а ее имя было лучшей рекомендацией. Мы сблизились. Оказалось, что многие из тех, кто в СССР переписывался с Евой, тоже познакомились между собой. Образовался сам собой некий круг друзей Евы Сарбовой. Владилен решил придать ему официальный характер. Надо сказать, что после двадцатого съезда международные клубы друзей по переписке были популярны и находились под опекой ВЛКСМ. Владилен списался со многими людьми и, получив одобрение, составил устав клуба, который он назвал «Клуб друзей Ивушка»...

Но вдруг, как гром среди ясного неба, в местной партийной газете «Гродненская правда» появился фельетон «Клуб джокеров». Джокер, как известно, – карточный шут. То есть – клуб шутов. Из текста следовало, что молодой повеса В. Задорный, окончательно запутавшийся в своих отношениях с женщинами, пытается собрать легковерных

молодых людей вокруг известной сектантки и богоискательницы Е. Сарбовой, которая давно связана с Америкой, где столь враждебно относятся к пролетариату. Пафос фельетона - только неблагонадежные люди могут писать за границу.

Я был возмущен и клеветническими измышлениями, и тоном этого пасквиля. Кроме этого, я не мог понять, откуда в статье могли появиться цитаты из моих писем. Одна из них была строкой из стихотворения моего брата Михаила, который никогда и нигде его не публиковал. Фельетонист привел ее и позлорадствовал: тоже, мол, мне – поэт. Я стал разбираться и пошел к автору на квартиру. Его не оказалось дома, а простодушная жена на мой вопрос ответила: «Ну как откуда, у него же целая папка фотокопий разных писем была». Я понял, что все мы были под негласным надзором КГБ и что моя переписка с Евой постоянно перлюстрировалась.

Я написал в газету, в обком партии и «Комсомольскую правду»...

В ответ на мои письма было организовано многолюдное комсомольское собрание, с явным намерением провести показательное-воспитательное воздействие. Много чего говорилось на этом мероприятии, резюме было таким: НЕ ТЕМ ЗАНЯЛИСЬ! Я получил порицание за политическую близорукость. Нечего и говорить, как было мерзко на душе. Ведь растоптали очень чистое и очень личное...

Как потом оказалось, все люди, давшие согласие Задорному участвовать в клубе, у себя на местах тоже подверглись разного рода допросам и проработкам. Брата Михаила вызвали в КГБ и долго с ним беседовали. Пеняли ему, что он, такой бывалый человек, отсидевший 10 лет по 58-й в Ивдельлаге, вновь проявил политическую несознательность и ввязался в переписку с заграницей. А дело в том, что многие корреспонденты Евы начинали переписку между собой. Вот и Михаил, получив письмо от девушки из Южной Африки, ответил ей. Другими словами, получалось, раз бывший зэк – не имеешь больше права писать в другие страны.

А из моего письма в «Гродненской правде» состряпали нечто вроде объяснения-покаяния. Будто бы я ничего не знал, кто такая Ева, а был введен в заблуждение Задорным. Разумеется, ничего подобного я не писал и был страшно возмущен откровенной ложью этой публикации. Была даже мысль подать на газетчиков в суд, но в те времена это было крайне трудно, почти невозможно. Я в то время был просто психологически подавлен...

Клуб распался, но это, конечно, мелочь. Главное – Ева. Она была настолько больна, что все эти неприятности в СССР окончательно подорвали и так невеликие ее силы. Ева умерла. После клеветнической статьи в «Гродненской правде» она прожила меньше года...

- В советской Конституции была статья, в которой говорилось о тайне переписки. Почему же Ю. Телегин не подал в суд на газетчика или на сотрудников КГБ?
- Вспомните рассуждения Дж. Милля о границах частной жизни (см. гл. 1). Может быть, письма молодых людей из «Клуба друзей Ивушки» – это уже не их частное дело (тем более – письма за границу!)?

Глава 4. Обыск

Ф. Кафка

Америка
(Для домашнего чтения)

Едва очутившись на улице, он опять услышал неослабевающий шум из зала, к которому примешивались теперь звуки духового оркестра. Карл был доволен, что не

пришлось выходить через зал. Все пять этажей гостиницы сейчас сияли огнями, освещая дорогу на всю ее ширину. Автомобили проносились по-прежнему, но теперь уже с интервалами, еще быстрее, чем днем, они появлялись издали, ощупывали яркими лучами фар мостовую, пересекали с побледневшими фарами освещенное пространство перед гостиницей и, полыхнув огнями, уносились дальше в темноту.

Карл обнаружил товарищей уже крепко спящими – так долго он отсутствовал. Только он собрался разложить принесенное поаппетитнее на бумаге, обнаруженной в корзинке, с тем чтобы, когда все будет готово, разбудить товарищей, как вдруг, к своему ужасу, увидел, что его чемодан раскрыт, хотя оставил он его запертым и ключ унес в кармане; половина содержимого чемодана была разбросана вокруг по траве.

– Вставайте! – крикнул он. – Вы спите, а здесь меж тем побывали воры!

– Чего-нибудь недостает? – спросил Деламарш.

Робинсон, еще толком не проснувшись, ухватился за пиво.

– Я не знаю, – сказал Карл, – но чемодан открыт. Все-таки опрометчиво улежся спать и оставить чемодан без присмотра.

Деламарш и Робинсон рассмеялись, и француз сказал:

– В другой раз не уходите так надолго. Гостиница в десяти шагах, а вы потратили на дорогу туда и обратно три часа. Мы проголодались, подумали, что в вашем чемодане может оказаться что-нибудь съестное, и щекотали замок, пока он не открылся. Впрочем, ничего съестного там не было, так что можете спокойно уложить все обратно.

– Ну-ну, – сказал Карл, в оцепенении глядя на быстро пустеющую корзинку и прислушиваясь к своеобразному звуку, с которым Робинсон поглощал пиво; жидкость сначала врвалась ему в глотку, с присвистом возвращалась и в конце концов бурным потоком устремлялась в желудок.

– Наелись? – спросил Карл, когда парочка на мгновение остановилась отдышаться.

– Разве вы не поели в гостинице? – удивился Деламарш, полагая, что Карл требует своей доли.

– Если не наелись, то поторопитесь, – сказал Карл и направился к своему чемодану.

– Кажется, он не в духе, капризничает, – заметил Деламарш, обращаясь к Робинсону.

– Я не капризничаю, – сказал Карл, – но разве же порядочно – взломать в мое отсутствие чемодан и выбросить оттуда вещи. Я понимаю, среди товарищей многое позволительно, и я вполне готов кое-что допустить, но это уж слишком. Я переночую в гостинице и в Баттерфорд не пойду. Ешьте быстрее, я должен вернуть корзинку.

– Слышишь, Робинсон, – начал Деламарш, – как он заговорил, вот тебе изысканная речь. Немец есть немец. Ты меня предупреждал, но я сдуру все-таки взял его с собой. Мы оказали ему доверие, целый день тащили его с собой, потеряли из-за этого не меньше чем полдня, а теперь там, в гостинице, кто-то его поманил – и он сматывается, просто-напросто сматывается. Но поскольку он – лживый немец, он это делает не в открытую, а выискал предлог – чемодан, а поскольку он – немец хамовитый, он не может уйти, не оскорбив нашего достоинства и не обозвав нас ворами за то, что мы сыграли с его чемоданом маленькую шутку.

Карл, укладывая свои вещи и не оборачиваясь, сказал:

– Продолжайте, продолжайте, тем легче мне будет уйти. Я прекрасно знаю, что такое товарищество. В Европе у меня тоже были друзья, и ни один не упрекнет меня в том, что я обманывал или интриговал против него. Правда, сейчас мы потеряли контакт, но, если я вернусь в Европу, все меня встретят по-доброму и тотчас признают во мне друга. А вы, Деламарш, и вы, Робинсон, смеете говорить, будто я вас предал, притом что вы – а я никоим образом не намерен это замалчивать – проявили ко мне дружеское участие и обещали добиться для меня места ученика в Баттерфорде! Нет, здесь нечто другое. У вас

ничего нет, но это ни в коей мере не унижает вас в моих глазах, однако вы завидуете моему мизерному имуществу и потому стараетесь меня унижить, – вот этого я вынести не могу. А теперь, взломав мой чемодан, вы даже не подумали извиниться, наоборот, вы оскорбляете меня и мою нацию, а тем самым лишаете меня всякой возможности остаться с вами. Впрочем, в сущности, речь не о вас, Робинсон. Мне просто жаль, что по слабости характера вы слишком уж подпали под влияние Деламарша. <...>

– Раз уж госпожа старшая кухарка так любезна, я приму приглашение, – сказал Карл, ожидая реакции товарищей. Но Робинсон стоял молчком, а Деламарш, сунув руки в карманы, смотрел вверх на звезды. Оба явно рассчитывали, что Карл без разговоров возьмет их с собой.

– В таком случае, – сказал буфетчик, – мне поручено проводить вас в гостиницу и принести ваш багаж.

– Тогда подождите, пожалуйста, еще минутку, – сказал Карл и нагнулся, чтобы убрать в чемодан оставшиеся вещи.

Вдруг он выпрямился. Фотографии, лежавшей в чемодане на самом виду, не было видно. Все было в сохранности, кроме фотографии.

– Я не могу найти фотографии, – просительно обратился он к Деламаршу.

– Какой фотографии? – спросил тот.

– Фотографии моих родителей.

– Мы не видели никакой фотографии, – ответил Деламарш.

– Фотографии в чемодане не было, господин Росман, – подтвердил со своей стороны и Робинсон.

– Но этого не может быть, – сказал Карл, и мольба в его глазах заставила буфетчика подойти ближе. – Она лежала наверху, а сейчас исчезла. Если бы вы не проказничали с чемоданом!

– Всякая ошибка исключается, – сказал Деламарш – В чемодане фотографии не было.

– Для меня она – самое ценное из всего, что есть в чемодане, – сказал Карл буфетчику, который ходил вокруг и искал в траве. – Она совершенно невозможна, другой не будет. – И когда буфетчик прекратил безуспешные поиски, добавил: – Это единственный портрет родителей, который у меня был.

В ответ на это буфетчик сказал громко, без обиняков: – Может, проверим еще и карманы этих господ?

– Да, – тотчас откликнулся Карл, – я должен найти фотографию. Но прежде чем проверять карманы, скажу одно: тот, кто добровольно вернет мне снимок, получит весь чемодан целиком. – После мгновения общего молчания Карл обратился к буфетчику: – Итак, мои товарищи, очевидно, предпочитают обыск. Но даже сейчас я обещаю: тот, в чьем кармане обнаружится фотография, получит весь чемодан. Сделать больше я не могу.

Тотчас буфетчик принялся обыскивать Деламарша, с которым, как ему казалось, справиться труднее, чем с Робинсоном. Робинсона он уступил Карлу. Буфетчик обратил внимание Карла на то, что обыскивать нужно обоих сразу, так как иначе оставшийся без наблюдения может избавиться от фотографии. Тут же, с первой попытки, Карл обнаружил в кармане Робинсона свой галстук, но не забрал его и крикнул буфетчику:

– Что бы вы ни нашли у Деламарша, оставьте все, пожалуйста, ему. Мне нужна только фотография. Только она одна.

Обыскивая нагрудные карманы, Карл коснулся рукой горячей, грязной груди Робинсона, и тут ему пришло в голову, что, возможно, он поступает с товарищами очень несправедливо. И он заторопился как только мог. Впрочем, все было напрасно: ни у Деламарша, ни у Робинсона фотографии не обнаружилось.

– Бесполезно, – сказал буфетчик.

– Наверное, они разорвали фотографию на мелкие кусочки и выбросили, – сказал Карл. – Я думал, они мне друзья, а они старались мне только навредить. Робинсон,

конечно, в меньшей степени, он бы нипочем не набрел на мысль, что фотография представляет для меня такую ценность, а вот Деламарш...

- Почему Карл говорит, что за фотографию отдаст весь чемодан?
- Почему его друзья возмущены его поведением?
- Почему Карл смущается и чувствует, что, возможно, поступает с товарищами очень несправедливо?
- К чему больше подходит слово «обыск» – к действиям Карла или его друзей?

Ю. Ким

Московские кухни
(сцена «Обыск»)
(Для домашнего чтения)

Помощник (*складывает предметы в мешок, диктуя опись*). Машинописный текст на трех страницах, бумага белая, плотная, заголовок: «К мировой общественности», последняя фраза «До полной победы демократии». Машинописный текст на пяти страницах, бумага серая, неплотная, первая фраза: «Вновь торжествует беззаконие», последняя фраза: «А пока беззаконие торжествует вновь». Машинописный текст на 20 страницах, бумага прозрачная курительная, через один интервал, заголовок: «Письма Короленко Ве Ге Луначарскому А Ве».

Илья. Это письма Короленко к Луначарскому!

Помощник. По-моему, я так и продиктовал.

Илья. Но какая же это антисоветчина?

Помощник. А на это у нас эксперты. Мало ли что Короленко. Мы вон и Щедрина на экспертизу отправляли.

Илья. Неужели антисоветчик?

Помощник. Нет, но возможны расширительные толкования. Книга, обложка мягкая, светло-серая, издание американское...

Илья. Это стихи Ахматовой!

Помощник. Стихи нас не интересуют. Нас интересует предисловие.

Илья. Выдерите предисловие, стихи оставьте.

Помощник. Чтобы завтра по «Голосу» передали: московские чекисты – варвары, рвут книги на обыске... Да вы не волнуйтесь. Что не нужно, мы вернем. Что вы волнуетесь? Фотография мужчины с бородкой...

Илья. Это Чехов!

Помощник. По-моему, Солженицын. (*К публике.*) По вашему, это Чехов? Нет, точно Чехов? (*Вернул.*) Нет, Чехов нас не интересует. Фотография женщины в купальнике...

Илья. Не трогайте!

Помощник. ...в купальнике. На обороте надпись...

Илья. Прекратите!

Помощник. ...надпись. От руки, выполнена красителем черного цвета. «Любимый...» Ну, хорошо, хорошо. Тетрадь общая, в клетку. Записи выполнены от руки красителями разных цветов.

Илья. Это мой личный дневник!

Помощник. Я вижу. Начальная запись. Январь 68-го. «Неужели это никогда не кончится?» Последняя запись, июнь 72-го. «Боюсь, что это не кончится никогда». Правильно, не кончится. И правильно, что боитесь. 14 писем в связке...

Илья. Это мамины письма!

Помощник. Вот и хорошо. Письма твоей мамы... адреса твоих друзей... теле-

фоны твоих подруг... подноготная твоих мыслей... твои желания, твои комплексы, твои танцы... стоять!!! (*Уложил мешок.*) Вам оставляется копия протокола. И учтите: наше терпение небеспретельно.

- Нарушает ли права человека Помощник (работник КГБ), проводящий обыск?
- Изменилась бы ваша оценка ситуации, если бы обыскивали известного уголовника-рецидивиста?

В. Крапивин

Колыбельная для брата (Для домашнего чтения)

Вернуть в класс успели почти всех. Не хватало человек семи, но это не имело значения: виновники были на месте. Седьмой «В» сдержанно возмущался. Возмущаться громко не решались, потому что в дверях, сложив руки на груди, стояла директор.

– Пятница – тяжелый день, – сказал Климов, устраиваясь на задней парте.

Ева Петровна хлопнула о стол томом «Графа Монте-Кристо», который отобрали на предпоследнем уроке у рыжего круглолицего Витьки Быкова по прозвищу Кубышкин.

– Книга-то не моя, – сказал Кубышкин, и все привычно засмеялись. Считалось, что Кубышкин говорит только смешное.

– Тихо! Все сели по местам! Прекратить разговоры!.. Анна Викторовна, вы сами скажете?

– Говорите вы, – величественно разрешила директор. Ева Петровна скорбно кивнула и оглядела притихшие ряды.

– Конечно, – произнесла она, – я ни дня больше не останусь у вас руководителем. Но прежде чем уйти, я должна разобраться в этом позорнейшем происшествии. Это мой долг.

Девчонки торопливо зашущукались. Они считали своей обязанностью уговаривать Еву Петровну не бросать их, когда она в очередной раз заявляла об отставке.

Сейчас, однако, Ева Петровна не стала слушать жалобных уверений в любви и преданности. Она еще раз подвергла испытанию на прочность несчастного «Графа» и потребовала:

– Встаньте, кто был задержан в гардеробной преподавателей.

Четверо встали. Куда деваться-то? Все равно портфели отобрали.

– Та-ак... – сказала Ева Петровна. Она покивала, взялась двумя руками за худой подбородок и обвела стоявших укоризненно-проницательным взглядом. Трое опустили глаза.

– Ну так что, Векшин, – произнесла Ева Петровна почти доброжелательно. – Может быть, признаться сразу? Пока есть время исправить ошибку...

– В чем признаться? – спросил Кирилл и подумал, что у Евы Петровны глаза странного цвета: как пыльная трава.

– Ты не знаешь, в чем?

– Не знаю, – честно сказал Кирилл.

– Ну, хорошо... Что вы делали в учительской раздевалке?

Кирилл улыбнулся. Чуть-чуть. Даже досада его сразу прошла. В самом деле смешно: признаваться в том, что все знают.

– Мы прятались от завуча Нины Васильевны, – сказал он.

Элька Мякишева и Нинка Родина вопросительно хихикнули и посмотрели на классную руководительницу. Она, однако, на них не взглянула. И сухо поинтересовалась:

– Зачем же прятались?

– Она загоняла нас в хор.

Анна Викторовна колыхнулась у дверей.

– Что значит «загоняла»? Ты соображаешь, что говоришь?

Кирилл опять ощутил едкую досаду.

– Соображаю, – сказал он. – Она стояла у выхода с учителем пения, хватала всех и отбирала дневники, если кто записан в хоре и не хочет идти.

– И вы решили обмануть завуча и учителя, – словно подводя итог, произнесла Ева Петровна. Кирилл пожал плечами.

– Странно, что ты не хочешь ходить на занятия, – мягко сказала Ева Петровна.

– Почему? Ты же любишь петь.

– Я не люблю, когда меня заставляют. Хор – это не уроки. Это добровольное дело.

Анна Викторовна опять колыхнулась у двери

– Добровольное для тех, у кого сознательная дисциплина. А для тех, кто не дорос до нее, мы применяем добровольно-обязательный метод.

– Как у кошки с воробьем, – сказал с задней парты Климов.

– Что-что? – Анна Викторовна устремила в глубину класса настороженный взгляд – Ну-ка объясни.

Климов охотно объяснил:

– Кошка поймала воробья и говорит: «С чем тебя есть? С укусом или сметаной? Выбирай добровольно...»

– Ну-ка поднимись, юморист, – потребовала Анна Викторовна.

Климов поднялся, и все засмеялись. Если он вставал, всегда возникало веселье: такая мачта вырастала над партой.

– Как его фамилия? – обратилась директорша к Еве Петровне.

– Климов, – сказала та. И в голосе ее слышалось: «Это всем известный Климов, который может лишь паясничать и ни на что серьезное не способен».

– Завтра ко мне с отцом, – распорядилась Анна Викторовна.

Класс притих. Отец Климова в прошлом году разбился в автомобиле. Климов слегка побледнел, но ответил прежним тоном:

– Никак невозможно. Отца нет.

– В таком случае с матерью, – не дрогнув, потребовала Анна Викторовна.

– Тоже невозможно. Она в командировке.

– С кем же ты живешь?

– С бабушкой, – вздохнул Климов.

– Вот и прекрасно...

– А бабушке восемьдесят два года, – поспешно предупредил Климов. – Она уже не боится директоров.

– И ты, видимо, тоже? – язвительно поинтересовалась Анна Викторовна.

Климов сокрушенно покивал:

– Мама говорит: я весь в бабушку.

– «Неуд» по поведению за всю неделю, – распорядилась директор. – Ева Петровна, не забудьте.

Та покачала головой и укоризненно посмотрела на Климова. «Вот видишь, достукался. Жаль, но сам виноват».

Раздался звонок с шестого урока. Анна Викторовна досадливо поморщилась.

– Ева Петровна, у меня совещание. Разберитесь сами. Особенно с этим... – Она посмотрела на Кирилла. – Как его фамилия?

– Векшин... И знаете, Анна Викторовна, он все годы был вполне нормальным учеником. Не могу понять, когда у него это началось..

– Наверно, когда начал сооружать свою прическу, – заметила директорша. –

Ишь, отрастил, ушей не видать! Чтобы сегодня же остриг свои космы!

– Не космы, а волосы, – негромко сказал Кирилл. – Все так носят. У других еще длиннее.

– Будем рассуждать? Ева Петровна, завтра в школу с такой прической не пускать!.. А впрочем... – Она словно спохватилась. – Там, где он скоро окажется, его остригут как надо.

С этими словами Анна Викторовна покинула класс. Все шумно встали и сели.

– Коробов, Самойлов, Сушко, Векшин! Я вам садиться не разрешала!

– Ноги, что ли, железные? – пробурчал Валерка Самойлов.

– Ноги?! – неожиданно воскликнула Ева Петровна. – А мои ноги? Они железные? На что я потратила два года? Такой позор! Пятно на всю школу!

Ребята запереглядывались. Бегство с репетиций хора было делом обычным. Какое тут пятно?

– А что случилось, Ева Петровна? – преданным голосом спросила Элька Мякишева.

Ева Петровна медленно обвела глазами класс:

– Что случилось? То, что в учительском гардеробе, где скрывались наши «любители свободы», у студентки-практикантки исчез кошелек со стипендией.

Девчонки охнули.

Интересно, что Кирилл ничего не почувствовал: ни обиды, ни страха, ни растерянности. В первую секунду просто подумал «Вот так история!» Потом ему стало смешно. Он сказал со смехом:

– Вот это да! Значит, мы воры?

– Ты напрасно веселишься. И напрасно говоришь во множественном числе. Имей в виду: ты единственный, кто не стал показывать дежурному учителю свои карманы.

Вся обида и вся злость снова прихлынули к Кириллу.

– Какое он имеет право обыскивать? Еще портфель отобрал!

– Александр Викентьевич не отбирал, а потребовал отдать

– А я не отдал! Тогда он вырвал! Да еще в карманы полез!

– Ты считаешь, что только вам позволено лазить по чужим карманам? – в упор спросила Ева Петровна.

Кирилл сжал зубы. Сперва захотелось завопить от бешенства. А потом по привычке защекотало в горле. «Зеленый павиан Джимми, – торопливо подумал Кирилл. – Где ты, миленький? Помог!».

В это время Валерка Самойлов громко сказал:

– Да ничего он не брал. И мы не брали! Зачем зря-то...

– Про вас я пока не говорю. Сейчас разговор о Векшине. Кстати, залезть в карман можно незаметно.

Кирилл мысленно улыбнулся зеленому павиану: «Спасибо, что помог». Еще сипловато, но уже твердо он сказал:

– Я, пожалуй, сяду. Не обязательно стоять, чтобы слушать оскорбления.

– Сядь, – скучным голосом ответила Ева Петровна. – Школьные правила не для тебя. Но сидя или стоя, а отвечать за свои дела придется.

Кирилл сел и стал смотреть в окно.

– Он сидит, а мы стоим, – высказался в пространство Серёга Коробов.

– Что ж, садитесь и вы... Позор! Были гордостью школы, лучший тимуровский отряд, правофланговый! Должны помогать людям, а вы... Девушка первый раз пришла на практику, и сразу ей такой сюрприз! Вы знаете, что такое для студентки стипендия? Она должна целый месяц жить на эти сорок рублей!.. Если бы вы видели, как она плакала в учительской...

«А правда, неужели нашелся такой гад и украл? – подумал Кирилл. – А может

быть, сама потеряла?»

Он хотел уже высказать эту мысль, но сдержался. Получится, будто он оправдывается. И вдруг заговорил маленький Кубышкин:

– А Сан Викентич как успел узнать, что кошелек украли? Он же внизу дежурил, а не в учительской.

В классе опять на всякий случай засмеялись.

– Он ничего и не знал! – сердито разъяснила Ева Петровна. – Он просто задержал нарушителей, которые были там, где им не положено быть. И оказалось, что не зря. Через несколько минут стало известно про кошелек.

– Если не знал, зачем полез с обыском? – хмуро спросил Кирилл.

– Не полез, а попросил показать карманы. Потому что были уже грустные случаи, когда пропадали деньги и вещи. И никто не может терпеть, чтобы этот позор продолжался!

– Пусть отдаст портфель, – упрямо сказал Кирилл – Никто не имеет права отбирать чужие вещи.

– Я и не отбирала. Разбирайся с Александром Викентьевичем. Найди после собрания и разговаривай

– Он отобрал, а я должен за ним ходить?

Ева Петровна утомленно села за стол.

– Это старый трюк, – печально сказала она. – За наглым поведением прятать свою вину.

«Вину...» – повторил про себя Кирилл. И до него наконец дошло. Дошло полностью, что все это всерьез. Абсолютно всерьез.

Он взялся за парту, встать хотел, но не встал, а только в упор глянул на Еву Петровну.

– Значит, вы в самом деле думаете, что я вор?

Она отвела глаза. Но сказала:

– Ты сам заставляешь думать так. Твое поведение... Существует логика. Понимаешь, логика. Законы здравых рассуждений. Суди сам: кроме вас, там никого не было. Карманы показывать ты не стал. Значит, испугался?

– Не испугался, а противно.

– Ах, противно. Другие могут, а у тебя тонкое воспитание.

В классе опять кто-то захихикал. Но Валерка Самойлов сказал:

– Я бы тоже не дал, но растерялся.

– Помолчи!

– Пусть отдадут портфель, – бесцветным голосом повторил Кирилл.

– Ты как попугай! Я сказала: объясняйся с Александром Викентьевичем. Без объяснений он все равно не пустит тебя на свои уроки.

– Пусть, – сказал Кирилл. Александр Викентьевич преподавал семиклассникам черчение, которое Кирилл всем сердцем невзлюбил с первого дня.

– Не имеет права не пускать, – сказал Климов. – У нас всеобуч.

– Права-то вы знаете, а вот обязанности... – И Ева Петровна принялась подробно объяснять про обязанности школьников, которые неразрывно связаны с правами. Получалось, что обязанностей две: хорошо учиться и беспрекословно слушаться старших. Права были те же самые: учиться и слушаться.

У Евы Петровны было худое лицо, морщинистое, но не старое. На лице странным образом смешивались утомленная разочарованность и энергия. Так было всегда. Ева Петровна словно давала понять: «Я знаю, как мало меня ценят, как неблагодарны дети, но свой долг я буду выполнять до конца, изо всех сил и без жалоб». И она выполняла. Классным руководителем она стала, когда ребята перешли в пятый. До этого, в четвертом классе, сменилось три руководителя. Тринадцать мальчишек и двадцать четыре девочки представляли собой, по словам завуча Нины Васильевны, «развинченную толпу». Ева

Петровна заявила, что не потерпит анархии и если уж она берется за дело, то создаст из этой толпы здоровый пионерский коллектив.

За год она добилась, что отряд стал считаться передовым. Сама составляла планы тимуровского шефства над окрестными пенсионерами, руководила репетициями смотров строя и песни, ревностно следила, чтобы все выполняли нормы сбора макулатуры. Нерадивых обсуждали на собраниях. Ева Петровна говорила, что все вопросы должны обсуждаться коллективом и от коллектива ничего нельзя скрывать.

Фамилия у Евы Петровны была Красовская, поэтому, когда класс еще не был передовым, ей придумали прозвище Евица-красавица. Потом прозвище забылось, но время от времени отдельные несознательные и нетипичные личности, вроде Климова, вспоминали его. Вот и сейчас Кирилл слышал, как длинный Климов сзади почти беззвучно напевает на мотив хора из «Евгения Онегина»:

- Евица-красавица, душенька-подруженька,
Отпусти нас, милая, ты домой, голодненьких.

Есть в самом деле хотелось, сидели без обеда. Столовая в первые дни учебного года не работала, а в буфете была такая толкучка, что лучше и не соваться. Кирилл, правда, попробовал на предпоследней перемене, но раздумал и отдал двадцать копеек Петьке Чиркову, который признался, что вот-вот помрет от голода.

- А зачем сидим? – вдруг спросил Климов.

– Ждем, – сообщила Ева Петровна – Ждем, когда кто-нибудь из этих четверых признается или расскажет, как было дело.

- А если не признается?

- Тогда, очевидно, придется вызывать милицию.

- Так давайте вызывать, – предложил Кирилл.

- Правильно, – поддержал Кубышкин. – А то кушать хочется.

– Тебе полезно похудеть, – сказала Ева Петровна и опять заговорила о пятне, которое легло на тимуровский правофланговый отряд и школу. Потом подняла Женьку Черепанову и велела высказать свое мнение. Женька была бессменная председательница совета отряда. Она встала и начала говорить, что те, кто совершил этот безобразный поступок, опозорили класс и должны признаться, если еще хоть капельку дорожат званием пионера. А если Кирилл Векшин ни в чем не виноват, то ему надо вести себя не так, а воспитанно.

Кирилл смотрел на Черепанову без всякой злости. Женька говорила те самые слова, которые принято говорить на собраниях, когда кого-нибудь обсуждают.

Женька была красивая, и Кирилл смотрел на нее с удовольствием. Он не испытывал к Черепановой никаких чувств, но глядеть на нее было приятно: как на красивую открытку или статуэтку. Почти все девчонки за лето вымахали в высоту, стали больше мальчишек (Кубышкин презрительно сказал: «Во, лошади. Теперь им на танцах десятиклассников подавай»), а Женька осталась прежней. Она была невысокая, стройненькая, с мальчишечьей русой прической и длинными серыми глазами.

– А Векшин вообще всех нас удивляет. Это кошмар какой-то, – закончила Черепанова свою речь и бросила на Кирилла очень осуждающий взгляд.

- Дура, – полушепотом сказал Кирилл.

- Сам, – так же ответила Женька.

Кирилл перестал слушать и повернулся к окну. По другой стороне улицы брела послушная вереница детсадовских малышек в пестрых маечках и трусиках, в белых панамках. Впереди шла одна воспитательница, позади другая. Ребятишки – наверное, младшая группа. Трехлетние пацанята.

Кирилл подумал, что он будет в десятом классе, когда Антошка станет вот таким. И, как всегда при мысли об Антошке, толкнулась в нем упругая теплая радость.

Что бы ни случилось, какие бы горести ни подкараулили Кирилла, все равно есть у него братишка. Круглощекий, улыбчивый, славный Антошка.

Конечно, бывает всякое: иногда почитать хочется, а он вопит, надо бежать к Деду, готовить паруса, а ты отправляешься в молочную кухню за Антошкиным обедом. Но, боже мой, как все-таки здорово, что он есть на свете – настоящий родной братик! Как он смотрит на Кирилла, как слушает песни...

А между прочим, на кухню и сегодня надо бежать. И скоро. Кирилл встал и взглянул на большие часы за окном – они висели на столбе у сквера.

– Что, Векшин? Ты все-таки решил признаться? – спросила Ева Петровна почти благосклонно.

– В чем?

– Что значит «в чем»? В том... что я сказала. «Пусть встанет тот, кто виноват».

– Извините, я не слышал, – холодно сказал Кирилл.

– А, ну конечно! Слова классного руководителя для тебя пустой звук. Тогда с какой стати ты поднялся!

– Чтобы на часы взглянуть, вон там на улице.

– Смотреть на часы бесполезно, – сообщила Ева Петровна уже не Кириллу, а классу. – Сидеть будем, пока не выясним.

– Я сидеть не буду, – спокойно сказал Кирилл. Он и в самом деле был сейчас спокоен. Только глубоко внутри дрожала тугими струнками сдержанная злость. Уже не обида, просто злость.

– Бу-удешь, голубчик...

– Не буду. Мне в молочную кухню надо идти за питанием для брата. Его в четыре часа кормить полагается.

– Ты опять лжешь, – утомленно произнесла Ева Петровна. – Если бы ты ходил в эту кухню, мама дала бы записку, и тебя бы никто не стал задерживать на репетициях. А ты прятался, чтобы не ходить на хор.

– Потому что дело не в кухне. На хор я бы и так не пошел.

– Из ложного принципа и глупого упрямства.

– Мне надо идти, – сказал Кирилл. – Серега, выпусти.

Серега Коробов выбрался из-за парты. Класс наблюдал за Кириллом с молчаливым интересом. Кирилл пошел к двери.

– Какой нахальный! – громким шепотом сказала Элька Мякишева.

Ева Петровна встала у порога.

– Имей в виду, Векшин, если ты попытаешься уйти, я сообщу директору... что для тебя, оказывается, не писаны никакие школьные правила.

Кирилл остановился перед ней.

– Они для Антошки не писаны, – сказал он с ощущением полной и радостной правоты. – Разве есть правила, чтобы трехмесячного малыша морить голодом? Он, пожалуйста, покажет правила... Разрешите, пожалуйста, пройти.

Ева Петровна хотела что-то сказать, открыла рот... и посторонилась. Когда Кирилл был уже в коридоре, он услышал:

– За портфелем пусть явится отец.

Кирилл обернулся:

– Он бы и так пришел, если надо. Зачем портфель? Как выкуп, что ли?

– Вот именно! Для гарантии. Если я не дозвонюсь.

«Звони, звони», – сумрачно подумал Кирилл. Дома телефон не работал второй день: ремонтировали кабель, а на работе у отца недавно сменили номер.

Внизу, у самого выхода, Кирилл встретил Зою Алексеевну, которая учила его в младших классах. Он улыбнулся и приготовился сказать: «Здрасте, Зоя Алексеевна». И вдруг увидел, что она смотрит на него странно. Без обычной улыбки.

– Кирюша... Что с тобой случилось? – Она смотрела так, словно у нее что-то сильно болело. Или не у нее? Кирилл вдруг отчетливо вспомнил, как в третьем классе, в весеннем походе, она с таким же лицом бинтовала Петьке Чиркову разбитый локоть.

– Что, Зоя Алексеевна? – спросил он, уже догадываясь и все-таки не веря.

– Мне Анна Викторовна рассказала... Кирюша, неужели это правда?

Кирилл быстро глянул ей в доброе, почти старушечье лицо и сразу опустил глаза. Переглотнул. Оказывается, спокойствие в нем было очень хрупкое. Как тонюсенькая стеклянная стенка. Сейчас лопнет эта стенка – и вся горечь, вся обида, накопившаяся в классе, рванется слезами. Как вода из разбитого аквариума.

«Зеленый павиан Джимми...»

- Как вы считаете, имел ли учитель право проводить обыск? Изменилась бы ваша оценка ситуации, если бы обыск был проведен не до, а после того, как стало известно о краже?
- Как, по вашему мнению, следует вести себя учителям и детям в ситуации школьной кражи? Попробуйте найти пути решения конфликта.

Для творческих работ или дискуссий

Между неразвитыми людьми мало уважается неприкосновенность внутренней жизни. Каждый из семейства, особенно из старших, бесцеремонно сует свою лапу в вашу интимную жизнь. Между тем каждому хочется, чтобы в его внутренней жизни был уголок, куда никто не залезал бы.

Н. Чернышевский

Глава 5. Свобода прессы и границы частной жизни

Г. Вальраф (под псевдонимом Г. Эссер)

Рождение сенсации

(Для домашнего чтения)

Гюнтер Вальраф, немецкий журналист и писатель, проработал несколько месяцев в редакции одной из самых крупных консервативных газет ФРГ «Бильд». Служба в «Бильде» была своеобразным журналистским расследованием. Впоследствии Вальраф описал «журналистскую кухню» в двух документальных книгах. Публикация обеих книг сопровождалась судебными процессами. Перед вами отрывки из первой и второй книг Гюнтера Вальрафа.

Некто вскрывает в день своего рождения бочонок пива, и тот неожиданно взрывается – вот вам «превосходнейший бильдовский материал». Или такое: молнией убит ребенок – опять-таки «превосходнейший материал» для первой полосы.

Я должен раздобыть фотографию мальчика и потому еду в Целле, к окаменевшим от ужаса и горя родителям. Братишки и сестренки громко плачут, я незванным гостем стою в передней и бормочу что-то про карточку, а отец растерянно смотрит на меня. Я мямлю слова соболезнования, но думаю только об одном: скорее бы получить фотографию и бежать отсюда. В тот день я не дал еще ни строчки материала и просто не могу уйти с пустыми руками. Сперва Швиндман (*Зав. отделом редакции. – Прим. сост.*) хотел было послать сюда Хериберта Клампфа, отлично зная, что Клампф всеми правдами и неправдами добудет из семейного альбома нужный портрет – пусть даже человек умер или убит только что. Но потом вдруг передумал: «Пошлем-ка мы Эссера. Достанешь фотографию, да поживее: в макете номера оставлено место».

Хериберт Клампф ловко обвел цельскую полицию вокруг пальца и выведал фамилию родителей. Теперь дело за фотографией.

Сейчас мне и самому непонятно, как я мог на это пойти, но угроза срыва нависла тогда над всем моим предприятием. К тому же у родителей мальчика, как назло, был телефон, и Швиндман в любую минуту мог проверить, заходил я туда или нет.

Отец погибшего ребенка, по профессии забойщик скота, сказал мне:

– Еще и наживаетесь на нашем горе. Марок пятьсот, поди, заработаете.

И у меня хватило бестактности брякнуть:

– Да нет, всего-то марок сорок пять, я не из-за денег, деньги я с радостью перешлю вам, хоть завтра. Ну сами посудите, что тут особенного? Тоже ведь память о вашем мальчике.

- Из рассказа журналиста следует, что редактору газеты было очень важно опубликовать фотографию погибшего мальчика. Как вы думаете, почему редактору необходимо получить именно фотографию; разве недостаточно просто рассказать о трагедии в газетной статье?
- Почему отец мальчика недоволен просьбой журналиста?
- А почему журналисту неприятно выполнять задание редакции?
- Попробуйте точно сформулировать, в чем в данном случае состояло нарушение границ частной жизни. А может, не было никакого нарушения? Что плохого в публикации фотографии («Ведь тоже память о... мальчике»)?
- Приходилось ли вам встречать в газетах или журналах подобные материалы? Если приходилось, возникали ли у вас мысли о том, что их публикация является вмешательством в чью-то частную жизнь?

Г. Вальраф

Свидетели обвинения. Описание «Бильд» продолжается
(Для домашнего чтения)

Вопрос. Значит, по-вашему, условия, в которых работают редакторы «Бильд», вполне приемлемы и правильны?

Шнайдер (Один из редакторов «Бильд». – Прим. сост.). Преуспевающие газеты, выходящие большими тиражами, просто нельзя не делать по единому образцу. Когда имеешь дело с людьми, надо быть жестким. Задача журналиста – во что бы то ни стало попасть туда, куда обычными способами не попадешь, и это справедливо не только для тех случаев, когда необходимо добыть сенсационный материал, ради которого не грех и поднатужиться, – например, соответствующим образом убрать медсестру и полицейских, чтобы дорваться до постели самого министра. Нет, это и вправду самое обычное дело: репортеров и сыщиков посылают главным образом в такие места, куда рядовой обыватель даже сунуться не рискнет, ибо вход ему воспрещен. И пусть вход воспрещен – ты должен обеспечить себе доступ. Вот в чем суть любого задания. Препятствия для того и существуют, чтобы обойти их хитростью или уничтожить. Хороший репортер-разведчик отколотит трех полицейских и соблазнит пяток медсестер, но проникнет в больницу к умирающему политическому боссу. Ваша задача – добраться до тех, до кого добраться нельзя. Неважно как, а добраться надо. Желательно, чтобы репортер пришел и сказал: «Вот фотография, и еще мне пришлось отколотить трех человек». Грош ему цена, если он объявит: «Там были люди, наверно, надо было их отлупить и фотографии у меня нету». Вот типичная ситуация: вы звоните родителям убитого ребенка. Ведь это даже Вальрафа и его читателей до слез растрогало. А я лично обхохотался. Тихо-спокойно получают только снимки солнечных закатов. Если же вы хотите фотографировать партизан, аборигенов, террористов, убийц, демонстрантов – за дело надо браться иначе.

- Вы прочитали комментарий редактора газеты «Бильд» к рассказу о фотографии мальчика. Он формулирует кредо «хорошего репортера-разведчика». Сформулируйте кратко, в чем состоит это кредо.
- Почему Шнайдер убежден, что следование именно таким принципам работы делает репортера хорошим профессионалом? На какую цель направлена публикация материалов, добываемых описанными способами?
- Как вы думаете, как относится редактор к чувствам Вальрафа, выполнявшего задание: они ему смешны? просто не имеют значения? может быть, он считает их проявлением глупости?
- В качестве наиболее интересного фотоматериала для газеты Шнайдер называет фотографии «партизан, аборигенов, террористов, убийц, демонстрантов». Вообразите, в каких обстоятельствах должен быть сфотографирован каждый из этого ряда, чтобы публикация такого снимка безусловно была нарушением права на неприкосновенность частной жизни. А теперь вообразите такую фотографию этого же лица, чтобы не возникло никаких возражений: эту фотографию публиковать можно, и такая публикация никем не может быть признана вмешательством в частную жизнь.

Вашему вниманию предлагаются появившиеся осенью 1997 г. статьи известных журналистов А. Минкина, А. Смирнова и Е. Альбац, в которых анализируются факты столкновения права человека на тайну личной жизни и права общества на получение общественно значимой информации.

(Обсудите в микрогруппах)

Е. Альбац

Против пуританской цензуры Каждый народ достоин своих репортеров

Понятно, что рынок услуг папарацци – как, впрочем, всякий рынок – появился прежде всего потому, что на эти услуги есть спрос. Спрос у публики, которой хочется знать, какой бывает жизнь, которая ей недоступна. Спрос у газет, которые эксплуатируют эту потребность и зарабатывают на этом деньги. И – что важно – спрос со стороны политиков и знаменитостей, которые тоже весьма заинтересованы в публичности. Разве новость, что политики стремятся попасть на экран или на первые полосы газет, дабы их не забывали? Или секрет, что для звезд театра или кино жизнь есть продолжение сцены, которая, между прочим, весьма способствует повышению их гонораров? Ажиотаж, скандал привлекает зрителей и, следовательно, увеличивает сборы. Другой вопрос, что и политики, и знаменитости хотят, чтобы на публику попала именно та информация, которая выгодна или приятна им. Или – называя вещи своими именами – с помощью средств массовой информации они пытаются манипулировать общественным мнением так, как это соответствует их интересам. Дело прессы – именно в этом наша профессия – предоставлять обществу весь доступный объем информации (исполнять конституционное право людей знать и, основываясь на знании, делать рациональный выбор), не полагая в читателе или зрителе идиота, который не способен отличить зерна от плевел.

Между тем проблема действительно есть. И лежит она прежде всего в сфере закона. Во многих странах мира существуют законы о защите частной жизни. В США это Акт о защите частной жизни и целый ряд сопутствующих законов и поправок, часть из которых была утверждена аж Верховным судом. Наиболее жесткие законы о защите частной жизни – вот ирония судьбы! – именно во Франции, где произошла трагедия.

Однако законы о неприкосновенности частной жизни неизбежно входят в противоречие с правом общества на весь – весь, подчеркну – объем информации. В Соединенных Штатах Америки, где пресса, в отличие от Европы, не носит выраженного партийного характера и призвана отражать интересы всех слоев общества, есть первая по-

правка к Конституции, которая запрещает какие-либо ограничения на публикацию публично значимой информации. Вот в этой формулировке – что является публично значимой информацией, а что нет – и зарыта собака.

В 1984 г. американский «папараццо» застукал сенатора Генри Харта – абсолютного лидера президентской избирательной гонки – на яхте в обнимку с любовницей. Фото опубликовали все газеты, включая «Washington Post» – главную газету американского истеблишмента. Последовал скандал, Харт вынужден был выйти из президентской кампании – и вскоре вовсе ушел из политики; он не раз заявлял, что журналисты разрушили ему и политическую, и личную жизнь. Развернулась дискуссия наподобие той, что идет сейчас. Одни говорили, что был нарушен закон о частной жизни. Другие утверждали, что публикация снимка – благо для американского избирателя, ибо если Харт обманывает свою жену, то почему потом, став президентом, он не станет обманывать и своих избирателей? «Единожды солгавши, кто тебе поверит?» У нас все это вызывает скорее улыбку. Между тем в странах с развитым гражданским обществом к таким вещам относятся серьезно: если человек нечестен в личной жизни, то можно ли ожидать, что он будет честен на посту, куда его выбрали избиратели, делегировав ему право ими, избирателями, управлять? То, что политики врут, знают все. Но политики должны знать, что их в любой момент могут поймать за руку. Значит, врать будут более осторожно.

Генри Харт тогда подал в суд на газеты. Однако его адвокаты ему доступно объяснили, что выиграть процесс будет почти невозможно. Приоритет первой поправки – права общества на информацию – для судей, несмотря ни на что в Америке абсолютен. Это основа основ. Это данность: жизнь политика, как и любой другой публичной фигуры, дверей не имеет. Это плата за власть. Одно из двух: либо ты идешь в публичную политику, и тогда избиратель имеет право заглянуть в твою личную жизнь, либо не идешь. Третьего не дано. То же и в отношении знаменитостей. Хочешь иметь высокие гонорары и зарабатывать на рекламе – сознавай, что за это платишь открытостью будора. В конце концов всегда есть выбор – большие гонорары не получать.

У нас в отечестве эта проблема опять отчетливо проявилась в связи с болезнью президента. Помнится, тогда тоже клеймили прессу за интерес к состоянию его здоровья. Хотя, казалось бы, понятно, избиратель имеет право знать, в каком физическом состоянии президент принимает решения, от которых зависит их, избирателей и граждан, жизнь. Если полагать, что граждане не имеют права на подобную информацию и здоровье президента является сферой его личной жизни, то это означает, что личная жизнь президента распространяется на всю страну. Тогда это абсолютная монархия. Или Советский Союз времени генсеков – кому как больше нравится.

В отечественной журналистике, слава Богу, наблюдается снижение пietetа к частной жизни политиков и знаменитостей и понимание того, что граждане не только могут, но и обязаны контролировать людей, которым делегировали право ими, гражданами, управлять и их налогами распоряжаться.

При всех оговорках информация о том, что один из руководителей государства, пусть и в частной поездке, пользуется услугами бизнесмена с нелучшей репутацией, безусловно, заслуживает внимания читателей. Сообщение, что госчиновник, призванный защищать верховенство закона, не чурается компании проституток и бандитов, которые в обмен за услугу потенциально (пусть даже гипотетически) могут потом этим чиновником манипулировать, – вне всяких сомнений, предмет для прессы. И если завтра появится информация, что другой высокий чиновник любит попариться, скажем, в баньке одного крупного банка в местечке Лужки, такая информация, тщательно, конечно, проверенная, обязательно должна быть опубликована. Потому как дело не в любви к девочкам или к парилкам. Дело в том, что бесплатных услуг не бывает и политики о том прекрасно осведомлены. Следовательно, расплачиваться за них госчиновник будет потом решениями, кои оплачены налогоплательщиками, в том числе и читателями газет. Хочется париться в баньке, но не хочется о том публикаций – уходи из госструктуры. Где моются, за чей счет

и моются ли вообще банкиры, никого не интересует. Так что не надо лукавить – выбор всегда есть.

Совершенно убеждена: введение ограничения на информацию под видом защиты частной жизни политиков и знаменитостей приведет к цензуре, в основе которой будут лежать отнюдь не благие намерения. Ибо под эту частную жизнь, как было у нас в истории с болезнью президента, можно будет подвести очень многое. В результате власть и отдельные политики вновь обретут право кормить общество именно той информацией, которая им выгодна, и скрывать – под благовидным предлогом – то, что сообщать избирателям невыгодно и не хочется. Ну что ж, если мы готовы пойти на это, значит, снова признаем себя молчаливым стадом. В конце концов право и на такой выбор... у нас тоже имеется.

Новая газ. 1997. № 36. 8–14 сент.

- Найдите в статье Е. Альбац аргументы в защиту права журналистов на доступ к личной жизни знаменитостей, с одной стороны, и политических деятелей – с другой.

А. Минкин

Редакция «Новой газеты» получила очередную магнитофонную пленку.

Ниже вы прочтете запись разговора первого вице-преьера правительства России Z. с бизнесменом Y.

Для провинциала Z., должно быть, это неприятный сюрприз. Он еще не привык, что в Москве нельзя ни перезваниваться, ни переписываться.

Задетые лица, конечно, возмутятся. Их аргументы известны заранее: а) разговор подслушан незаконно; б) это вторжение в частную жизнь.

Задетые лица подключат дружественную прессу, представителей творческой интеллигенции, популярные артисты эстрады и кино с брезгливым видом заговорят о грязной журналистике.

Уважаемые читатели, не позволяйте морочить себе голову, не позволяйте увести вас от сути дела.

Законно ли подслушан разговор Z. с Y.? Мы не знаем. Но ответ на этот вопрос должна дать прокуратура. И если санкции не было – пусть возбудят уголовное дело, найдут и накажут тех, кто нелегально слушает чужие разговоры. Однако для нас это не слишком важно. Согласитесь: мытыми или невымытыми руками убили старушку – дело десятое.

Бывший министр юстиции X. тоже заявлял, что съемка в бане велась незаконно, что это вторжение в его частную жизнь. Может быть.

Но нас интересует не кто снимал, а кто купался. И главное: если министр купался, то за какую его услугу гангстеры подарили ему это дорогое удовольствие? (Собственной зарплаты министра не хватило бы и на десять минут.)

...Мы не знаем, кто подслушал Z. и Y. Следователи Генеральной прокуратуры, где лежат открытые, закрытые и полузакрытые уголовные дела, кажется, на всех губернаторов, министров, депутатов, бизнесменов? А может быть, пожилые реформаторы охотятся на молодых реформаторов, которые слишком бурно делают карьеру?

Не знаем. Но в данном случае нам все равно, легально или нелегально записали беседу. Если в ней содержатся факты, важные для общества, то общество должно быть благодарно тем, кто открывает ему глаза.

- Какие материалы, по мнению А. Минкина, можно и даже необходимо публиковать, несмотря на то, что добывались они при явном вмешательстве в частную жизнь?

- В статье упоминаются два случая вмешательства в частную жизнь: прослушивание телефонного разговора первого вице-премьера с неким бизнесменом и съемка купания министра юстиции в бане. Журналист поясняет, почему именно факт купания в бане должен стать достоянием общественности. Найдите в тексте эти объяснения. Убеждают ли они вас?
- В чем состояла суть упомянутого телефонного разговора, из данного текста непонятно: приведенный нами отрывок служил преамбулой к публикации разговора, который мы решили не помещать в этой книге. Попробуйте предположить, какая информация должна была содержаться в этой беседе, чтобы А. Минкин счел себя вправе и даже обязанным представить ее на суд читателей.
- Что общего между принципами, которыми руководствуется редактор «Бильд» Шнайдер и журналист «Новой газеты» А. Минкин? Отличаются ли чем-то их позиции? Чем?

«Жучки» диктуют моду Рыцарям «прослушки» не грозят ни тюрьма, ни сума...

На минувшей неделе скандал вокруг охранного предприятия «Атолл», поставившего на «прослушку» семью президента, получил продолжение. Плоды деятельности этой фирмы – приватные разговоры Бориса Березовского с разными известными людьми – напечатал в «МК» Александр Хинштейн. Против охранной структуры возбуждено уголовное дело. Означает ли это, что и журналиста ждет наказание? И вообще – насколько допустимы с правовой и нравственной точек зрения подобные публикации? Об этом размышляют секретарь Союза журналистов России, профессор права Михаил Федотов и авторы скандальных публикаций Александр Хинштейн и Лариса Кислинская.

«ОГ»: Александр, вы тиражировали записи, полученные «Атоллом». Вы – соучастник преступления?

А.Х.: Ни в коем случае, хотя в УК и существует статья 138 (9), карающая за незаконное вмешательство в частную жизнь. Но когда «прослушку» проводят люди, не имеющие на то права (например, фирма «Атолл»), их действия уголовно наказуемы. А журналисту, который тиражирует эти записи, ничего не грозит.

У меня в этом смысле есть некоторый личный опыт. После публикации в 1997 г. статьи «Играем в бридж» – с расшифровками переговоров между Альфредом Кохом, Александром Казаковым, Аркадием Евстафьевым и Борисом Иорданом накануне аукциона по «Роснефти» – меня вызывали в прокуратуру, интересовались аудио пленками и их источником. Пленки я предоставил, а источник не назвал. Оснований для возбуждения дела не нашли.

М.Ф.: Конечно, право журналиста не называть свой источник часто помогает уйти от ответственности. Более того, закон действительно не запрещает такие материалы публиковать. Но желательно, чтобы при этом журналист указал, где он получил информацию. Надо сообщать обществу как об одном нарушении его интересов, так и о другом.

«ОГ»: Публикуя приватные беседы сильных мира сего, не признанных судом виновными, не посягаете ли вы на презумпцию невиновности? Не чувствуете ли себя клеветниками?

Л.К.: Все зависит от того, идет ли речь об общественно значимой фигуре. То есть о человеке, обладающем государственно-властными полномочиями, находящемся на госслужбе.

М.Ф.: С точки зрения закона Лариса абсолютно права. Существует запрет лишь на публикацию тех материалов, которые предрешают вердикт суда. И ничего не сказано о противоправности любых досудебных публикаций.

Действительно, у общественного деятеля сфера личной жизни значительно

уже, чем у любого другого. Но я бы сделал одно уточнение: существует некая разница между общественным интересом и общественным любопытством. Здесь нужно искать золотую середину. На этот поиск нацелен и закон о СМИ, где есть оговорка – факт частной жизни перестает быть таковым, когда он представляет общественный интерес. <...>

«ОГ»: Итак, профессор права соглашается с авторами скандальных публикаций, что тиражирование личных тайн политических деятелей возможно, если эти сведения достоверны и общественно значимы. Проблема, по мнению г-на Федотова, в другом – каким путем добыта информация и заслуживает ли она огласки. Не окажется ли журналист пешкой в играх спецслужб и конкурентной борьбе? Для г-на Федотова это проблема нравственного выбора журналиста. Для его оппонентов существует только один принцип: сведения должны быть достоверны. И не важно, кто и как их получил.

Итак, что же должно лежать в основе работы журналиста с «горячим» материалом – жесткое следование букве закона или некий симбиоз правовых и морально-этических норм? Каковы критерии общественной необходимости и что печатать нравственно, а что нет? Где граница, которая отделяет журналиста, свято выполняющего свой долг информировать общество о любых нарушениях, от превращения в желтого исследователя чужого «грязного белья»?..

Общая газ.

- М. Федотов говорит о нескольких нарушениях общественных интересов. Какие нарушения он имеет в виду?
- Определите, как вы понимаете, что такое «общественный интерес». Может ли, по вашему мнению, нарушение чьих-то личных прав быть объектом общественного интереса?
- Как бы вы определили разницу между «общественным интересом» и «общественным любопытством»?
- Закон не предусматривает ответственности журналиста за публикацию незаконно прослушанных разговоров. Как вы считаете – справедливо это или нет?
- М. Федотов признает, что «закон не запрещает публиковать такие материалы» (т.е., в частности, материалы, полученные путем нарушения неприкосновенности частной жизни). Как вы думаете, это просто «дыра» в законодательстве или такое положение вещей чем-то оправдано и было специально предусмотрено при составлении соответствующих законов?
- Найдите в статьях А. Минкина и Е. Альбац выражения, обозначающие то же, что М. Федотов называет «фактами, представляющими общественный интерес».
- Найдите в трех последних статьях названные журналистами критерии или границы, которые определяют право журналиста публиковать информацию о частной жизни публичных лиц. Кто из журналистов, на ваш взгляд, пользуется наиболее четким или даже однозначным критерием? А чья позиция близка лично вам?

6. Профессиональная тайна

Э.Л. Войнич

Овод

(Для домашнего чтения)

В четверг Артур вошел в церковь семинарии и застал отца Карди одного. Прочтя перед исповедью молитву, он сразу заговорил о своем проступке:

– Отец мой, я грешен – грешен в ревности, в злобе, в недостойных мыслях о человеке, который не причинил мне никакого зла.

Отец Карди отлично понимал, с кем имеет дело. Он мягко сказал:

– Вы не все мне открыли, сын мой.

– Отец! Того, к кому я питаю нехристианские чувства, я должен особенно любить и уважать.

– Вы связаны с ним кровными узами?

– Еще теснее.

– Что же вас связывает, сын мой?

– Узы товарищества.

– Товарищества? В чем?

– В великой и священной работе.

Последовала небольшая пауза.

– И ваша злоба к этому... товарищу, ваша ревность вызвана тем, что он больше вас успел в этой работе?

– Да... отчасти. Я позавидовал его опыту, его авторитету... И затем... я думал... я боялся, что он отнимет у меня сердце девушки... которую я люблю.

– А эта девушка, которую вы любите, дочь святой церкви?

– Нет, она протестантка.

– Еретичка?

Артур горестно стиснул руки.

– Да, еретичка, – повторил он. – Мы вместе воспитывались. Наши матери были друзьями. И я... позавидовал ему, так как понял, что он тоже любит ее... и...

– Сын мой, – медленно, серьезно заговорил отец Карди после минутного молчания, – вы не все мне открыли. У вас на душе есть еще какая-то тяжесть.

– Отец, я... – Артур запнулся.

Исповедник молча ждал.

– Я позавидовал ему потому, что организация... «Молодая Италия», к которой я принадлежу...

– Да?

– Доверила ему одно дело, которое, как я надеялся, будет поручено мне... Я считал себя особенно пригодным для него.

– Какое же это дело?

– Приемка книг с пароходов... политических книг. Их нужно было взять... и спрятать где-нибудь в городе.

– И эту работу организация поручила вашему сопернику?

– Да, Болле... и я позавидовал ему.

– А он, со своей стороны, ни в чем не подавал вам повода к неприязни? Вы не обвиняете его в небрежном отношении к той миссии, которая была возложена на него?

– Нет, отец, Болла действовал смело и самоотверженно. Он истинный патриот, и мне бы следовало питать к нему любовь и уважение.

Отец Карди задумался.

– Сын мой, если душу вашу озарил новый свет, если в ней родилась мечта о великой работе на благо ваших братьев, если вы надеетесь облегчить бремя усталых и угнетенных, то подумайте, как вы относитесь к этому самому драгоценному дару господню. Все блага – дело его рук. И рождение ваше в новую жизнь – от него же. Если вы обрели путь к жертве, нашли дорогу, которая ведет к миру, если вы соединились с любимыми товарищами, чтобы принести освобождение тем, кто втайне льет слезы и скорбит, то постарайтесь, чтобы ваша душа была свободна от зависти и страстей, а ваше сердце было алтарем, где неугасимо горит священный огонь. Помните, что это – святое и великое дело, и сердце, которое проникнется им, должно быть очищено от себялюбия. Это призвание, так же как и призвание служителя церкви, не должно зависеть от любви к женщине, от скоропреходящих страстей. *Оно во имя бога и народа, ныне и во веки веков.*

– О-о! – Артур всплеснул руками.

Он чуть не разрыдался, услышав знакомый девиз.

– Отец мой, вы даете нам благословение церкви! Христос с нами!

– Сын мой, – торжественно ответил священник, – Христос изгнал меня из храма, ибо дом его – домом молитвы наречется, а они его сделали вертепом разбойников!

<...>

Огромным утешением для Артура был старший тюремный надзиратель. Этот толстенький лысый старичок сначала изо всех сил старался напустить на себя строгость. Но добродушие, сквозившее в каждой морщинке его пухлого лица, одержало верх над чувством долга, и скоро он стал передавать записки из одной камеры в другую.

Как-то днем в середине мая надзиратель вошел к нему с такой мрачной, унылой физиономией, что Артур с удивлением посмотрел на него.

– В чем дело, Энрико? – воскликнул он. – Что с вами сегодня случилось?

– Ничего! – грубо ответил Энрико и, подойдя к койке, рванул с нее плед Артура.

– Зачем вы берете мой плед? Разве меня переводят в другую камеру?

– Нет, вас выпускают.

– Выпускают? Сегодня? Совсем выпускают? Энрико!

Артур в волнении схватил старика за руку, но тот сердито вырвал ее.

– Энрико, что с вами? Почему вы не отвечаете? Скажите, нас всех выпускают?

В ответ послышалось только презрительное фырканье.

– Полно! – Артур с улыбкой снова взял надзирателя за руку. – Не злитесь на меня, я все равно не обижусь. Скажите лучше, как с остальными?

– С какими это остальными? – буркнул Энрико, вдруг бросая рубашку Артура, которую он складывал. – Уж не с Боллой ли?

– С Боллой, разумеется, и со всеми другими. Энрико, да что с вами?

– Вряд ли беднягу скоро выпустят, если его предал свой же товарищ! – И негодующий Энрико снова взялся за рубашку.

– Предал товарищ? Какой ужас! – Артур широко открыл глаза.

Энрико быстро повернулся к нему:

– А разве не вы это сделали?

– Я? Вы в своем уме, Энрико? Я?

– По крайней мере так ему сказали на допросе. Мне очень приятно знать, что предатель не вы. Вас я всегда считал порядочным молодым человеком. Идите!

Энрико вышел в коридор, Артур последовал за ним. И вдруг его словно озарило:

– Болле сказали, что его выдал я! Ну конечно! А мне, Энрико, говорили, что меня выдал Болла. Но Болла ведь не так глуп, чтобы поверить этому вздору.

– Так это действительно неправда? – Энрико остановился около лестницы и окинул Артура испытующим взглядом.

Артур только пожал плечами:

– Конечно, ложь!

– Вот как! Рад это слышать, сынок, обязательно передам Болле ваши слова. Но, знаете, ему сказали, что вы донесли на него... ну, словом, из ревности. Будто вы оба полюбили одну девушку.

– Это ложь! – произнес Артур быстрым, прерывистым шепотом. Им овладел внезапный, парализующий все силы страх. «Полюбили одну девушку!.. Ревность!» Как они узнали это? Как они узнали?

– Подождите минутку, сынок! – Энрико остановился в коридоре перед комнатой следователя и прошептал: – Я верю вам. Но скажите мне вот еще что. Я знаю, вы католик. Не говорили ли вы чего-нибудь на исповеди?

– Это ложь! – чуть не задохнувшись, крикнул Артур в третий раз.

Энрико пожал плечами и пошел вперед.

– Конечно, вам лучше знать. Но не вы первый попадаетесь на эту удочку. Сейчас в Пизе подняли большой шум из-за какого-то священника, которого изобличили ваши друзья. Они опубликовали листовку с предупреждением, что это провокатор.

Он отворил дверь в комнату следователя и, видя, что Артур замер на месте, устремив прямо перед собой неподвижный взгляд, легонько подтолкнул его вперед.

– Добрый день, мистер Бертон, – сказал полковник, показывая в любезной улыбке все зубы. – Мне приятно поздравить вас. Из Флоренции прибыл приказ о вашем освобождении. Будьте добры подписать эту бумагу.

Артур подошел к нему.

– Я хочу знать, – сказал он глухим голосом, – кто меня выдал.

Полковник с улыбкой поднял брови:

– Не догадываетесь? Подумайте немного.

Артур покачал головой. Полковник воздел руки, выражая этим свое изумление:

– Неужели не догадываетесь? Да вы же, вы сами, мистер Бертон! Кто же еще мог знать о ваших любовных делах?

Артур молча отвернулся. На стене висело большое деревянное распятие, и глаза юноши медленно поднялись к лицу Христа, но в них была не мольба, а только удивление перед этим покладистым и нерадивым богом, который не поразил громом священника, нарушившего тайну исповеди.

Выдающийся русский юрист А.Ф. Кони очень хорошо объяснил необходимость сохранения атмосферы полного доверия во взаимоотношениях обвиняемого со своим защитником, условием которого служит адвокатская тайна. «Между защитником и тем, кто в тревоге и тоске от грозно надвинувшегося обвинения обращается к нему в надежде на помощь, – писал А.Ф. Кони, – устанавливается тесная связь доверия и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему стараются объяснить свою виновность или свое падение и свой, скрываемый от других, позор такими подробностями личной жизни и семейного быта, по отношению к которым слепая фемида должна быть и глухой»⁴.

Древний институт врачебной (медицинской) тайны имеет свою историю. Широко известна клятва основоположника медицины греческого врача Гиппократ: «Из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу... считая подобные вещи тайной»⁵.

Факультетское обещание в дореволюционной России гласило:

«...свято хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло оказываемого мне доверия»⁶. О том же говорилось в ст. 596 русского Врачебного Устава⁷.

О. Бергазов

Великая тайна Франсуа Миттерана

(Для домашнего чтения)

Бывший президент Франции в течение 11 лет скрывал истинные сведения о состоянии своего здоровья.

⁴ Кони А.Ф. Собр. соч. М, 1967. Т. 4. С. 53.

⁵ Цит. по: Блохин Н.Н. Деонтология в онкологии. М., 1977. С. 16.

⁶ Там же.

⁷ См.: Люблинский П.И. Врачебная тайна с правовой и этической точки зрения // Врачебная тайна и врачебная этика. Речи и статьи / Под ред. проф. Воячека и проф. Осипова. Л., 1930. С. 52—53.

Через полторы недели после смерти Франсуа Миттерана вокруг имени бывшего президента Франции разразился настоящий скандал. Клод Гюблер, личный врач президента Миттерана с 1981 по 1994 г., сообщил, что глава государства был болен раком с 1981 г., но скрывал это от страны. Более того, Франсуа Миттеран через полгода после прихода к власти в 1981 г. стал публиковать дважды в год сводки о состоянии своего здоровья, естественно, ложные. Доктор Гюблер, обнаруживший у президента рак простаты в ноябре 1981 г., по настоянию президента диагноз скрыл и подписывал сводки, в которых ни о каких серьезных болезнях не говорилось. В противном случае шансы на победу Миттерана на новых президентских выборах 1988 г. могли бы значительно снизиться.

В конце 1994 г. отношения между Франсуа Миттераном и доктором Гюблером испортились, так как последний считал, что президент не получает того лечения, которое необходимо в его случае. Как раз в это время, по словам Гюблера, Франсуа Миттеран был не в состоянии выполнять функции главы государства, так как полностью погрузился в свою болезнь, ничем больше не интересовался и большую часть дня проводил в постели. Утверждения врача тут же опровергли бывший генеральный секретарь Елисейского дворца Юбер Ведрин, его заместительница Анн Ловержон, многие другие близкие к покойному президенту. Нынешний премьер-министр Ален Жюппе, бывший в то время министром иностранных дел, заявил, что, несмотря на несколько трудных периодов, Франсуа Миттеран всегда был в состоянии справляться со своими обязанностями. О том, что «на вершине государственной власти никогда не было пустоты», заявил и глава нижней палаты французского парламента Филипп Сегэн.

Что же касается сути дела – того, что президент республики скрывал свою болезнь до 1992 г., когда ему была сделана первая операция (вторая – в 1994 г.), то этого никто не оспаривает. Против Клода Гюблера выдвигаются обвинения не столько во лжи, сколько в раскрытии врачебной тайны. Национальный совет врачей даже пригрозил ему санкциями. Многие заметили, что вовсе не случайно откровения бывшего личного врача Миттерана стали известны накануне выхода его книги «Великая тайна», в которой Гюблер рассказывает историю президентской болезни. По словам же самого врача, раскрыть всю правду ему поручил несколько лет назад сам Франсуа Миттеран. А врачебная тайна необходима для защиты интересов больного, которые в данном случае, говорит он, ничуть не нарушаются.

Иного мнения придерживается семья бывшего президента, которая вместе с внебрачной дочерью Миттерана Мазариной Пэнжо подала на Клода Гюблера в суд и потребовала изъятия «Великой тайны» из магазинов. Она же подала в суд и на журнал «Пари-матч», который поместил фотографии Франсуа Миттерана на смертном одре, снятые без разрешения семьи и нарушающие, по мнению родственников бывшего президента, принципы морали и уважения к умершим.

Долго скрываемая болезнь президента послужила и поводом для размышлений над вопросом, нужно ли контролировать состояние здоровья высших руководителей страны, и если да, то каким образом? Одни считают, что сводки о состоянии здоровья президента и премьера – затея ненужная, так как представители высших эшелонов власти либо болеют гриппом, либо в отличной форме, либо скоростно умирают. Кстати, по склонности к гриппозным заболеваниям французская пресса ставит на первое место президента России Бориса Ельцина. Другие говорят, что здоровье президентов – их личное дело: хочет – сообщает народу, хочет нет. И вообще интересы государства должны быть превыше всего, и глава государства должен официально чувствовать себя хорошо до тех пор, пока может эффективно исполнять порученные ему народом обязанности. Некоторые предлагают создать специальную медицинскую комиссию, которая будет назначаться Конституционным советом и утверждаться президентом. Такая комиссия могла бы раз в год обследовать президента и представлять заключение о его психической и физической способности выполнять функции главы государства в Конституционный совет, который

мог бы принимать последующие решения совместно с председателями верхней и нижней палат парламента.

Если подобная система сыщет себе достаточное количество сторонников и будет принята, то первым обследование предстоит пройти нынешнему президенту Жаку Шираку, который о состоянии своего здоровья населению еще ничего не сообщал. Правда, его помощники единогласно утверждают, что здоровье и аппетит у главы государства отменные. В отношении последнего за время политической деятельности Жака Ширака никто еще не усомнился.

Из газеты «Сегодня»

Обсудите в микрогруппах:

Представители каких профессий (помимо названных в этих текстах) имеют дело с информацией о частной жизни граждан?

Какими принципами они должны руководствоваться, чтобы не нарушить право на неразглашение информации частного характера?